

КОЗОЛУПЕНКО ДАРЬЯ ПАВЛОВНА

Доктор философских наук, профессор
кафедры философской антропологии
философского факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова

E-mail: petrovich.tr@gmail.com

УДК 101.3

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: «ДОГОВОРНОЙ ЧЕЛОВЕК» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. Современная антропологическая ситуация связана с развитием антропотехнологий, которые способствуют превращению человека в артефакт и рассмотрению его как объекта, что приводит к исчезновению человека с философского горизонта.

Связанные с биотехнологиями и биоэтикой исследования, пытаясь подвести философскую базу под практические исследования, основываются на работах М. Фуко и М. Хайдеггера, в работах которых человек как философская категория проблематичен и не имеет собственной сущности и содержания, будучи заслонён и обусловлен у первого – структурами власти, у второго – бытием. В этой традиции человек возможен лишь как эпифеномен и потому не только не заслуживает отдельного рассмотрения, но и не может не быть пустым.

Практические изыскания в области современных биотехнологий и проблематика современной биоэтики также приводят к проблеме исчезновения философского содержания человека. Шаткость основания «человеческого предела» и «человеческого минимума», выявляемая в работах, связанных с проблемами ЭКО, конструирования телесности и сознательного ухода, поддерживается делиберацией как основным методом биоэтики, в результате чего человек превращается в «договорное понятие», а в теоретических работах по биоэтике начинает идти речь уже не о человеческой, а о постчеловеческой идентичности.

Ключевые слова: антропотехнологии, биоэтика, конструирование человека, «человеческий минимум», «договорной человек».

© Козолупенко Д. П. 2020

Darya P. Kosolupenko

Lomonosov Moscow State University

E-mail: Pichugina_V@mail.ru

NON-HUMAN ANTHROPOLOGY: THE “CONTRACT MAN” IN MODERN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Abstract. The modern anthropological situation is connected with the development of anthropo-technologies that contribute to the transformation of a person into an artifact and consideration of it as an object, which leads to the disappearance of a person from the philosophical horizon.

Research related to biotechnologies and bioethics, trying to bring a philosophical basis for practical research, is based on the works of M. Foucault and M. Heidegger, in whose works man does not have its own essence and content, being obscured and conditioned in the first – by power structures, in the second – by being. In this tradition, man is philosophically possible only as an epiphenomenon, and this is why not only does not deserve separate consideration, but also can not be empty.

Practical research in the field of modern biotechnologies and problems of modern bioethics also lead to the problem of the disappearance of the philosophical content of man. The shakiness of the Foundation of the “human limit” and “human minimum”, detectable in the works related to the problems of ECO-design of physicality and conscious care, supported by deliberative as the primary method of bioethics, with the result that the person becomes “contractual concept”, and in theoretical work on bioethics starts to go it's not about the human, and Posthuman identity.

Keywords: anthropotechnologies, bioethics, human construction, “human minimum”, «human contract».

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-195-207

Современная антропологическая ситуация связана с развитием биотехнологий, которые постепенно начинают превращаться в антропотехнологии и способствуют, если не превращению человека в артефакт [Тищенко 2014: 54-55], то рассмотрению его как объекта, что приводит к исчезновению человека с философского горизонта. Вопрос «что такое человек?» становится в связи с этим особенно актуальным и связывается с вопросом о том, допустимо ли конструирование человека, так как «новые пределы человеческой идентичности оформляются в связи с вынужденными фактами технологического конструирования человеческих существ, онтологический статус которых оформляется на границе «между» человеческим и нечеловеческим» [Попова 2011: 49] При этом «развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский вопрос вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни» [Юдин 2011: 13]

Философы долгое время давали уклончивые ответы на вопрос о человеке, удовлетворяясь тем, что «человек есть тайна»¹ и является «чем-то средним между Богом и небытием» [Декарт 1994 II: 45]. Несмотря на то, что «единой идеи человека у нас нет», а «специальные науки, занимающиеся человеком

¹ «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский 1985: 63].

и всё возрастающие в своём числе, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают её» [Шелер 1988: 32], в практическом плане проблема определения человека долгое время не возникала, и никто в здравом уме не путал людей со шкафами или собаками, равно как и с иными существами или вещами. Именно развитие биомедицинских технологий потребовало от нас выработки чётких определений и критериев того, кого именно мы будем считать человеком (и кто, соответственно, будет обладать правами и обязанностями человеческого существа в полной мере), а кто (или, вернее сказать – что) уже (ещё) не соответствует данным критериям и определению человека и потому может быть рассмотрено и использовано как средство и материал для улучшения человеческой жизни.

Связанные с биотехнологиями и биоэтикой исследования, пытаясь «удержать» содержательную составляющую человеческого и подвести философскую базу под практические (медицинские) исследования и положения, основываются на работах М. Фуко и М. Хайдеггера. Действительно, в некоторых работах М. Хайдеггера [Хайдеггер 1993: 221-259] и в произведениях М. Фуко [Фуко 1994] можно усмотреть основание для философского возвышения «технологии человека», что оказывается родственно биоэтике и вроде бы, в силу этого, оправдывает применение большинства современных антропотехнологий. Однако, М. Фуко настаивал на необходимости отказа от «двойного сна антропологии» и исключения антропологической позиции из лона философских разысканий, говоря, что «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [Фуко 1994: 361-363]. С ответом на вопрос «что такое человек» и тем более – с обоснованием возможности конструирования человека с опорой на положения М. Хайдеггера также возникают существенные трудности, ибо он прямо заявляет, что «и сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [Хайдеггер 1993: 221], и антропологическое определение техники, согласно которому она выделяется как род человеческой деятельности, неверно и неплодотворно, так как «такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует» [Хайдеггер 1993: 236]. Поэтому сам М. Хайдеггер не хотел считать себя антропологом и размежевал метафизику присутствия от антропологии, биологии и психологии, говоря, что все они «промахиваются мимо собственной философской проблемы», а их «научная структура сегодня целиком и полностью проблематична» [Хайдеггер 1997: 45].

И у М. Фуко, и у М. Хайдеггера человек не имеет собственной сущности и содержания, будучи заслонён и обусловлен у первого – структурами власти, у второго – бытием. В этой традиции он возможен лишь как эпифеномен и именно потому не только не заслуживает отдельного рассмотрения, но и не может не быть пустым.

Но в попытках отыскать «пределы человеческого», необходимые для практических биомедицинских манипуляций, современные исследователи по-прежнему исходят из «антропологического определения техники» [Хайдеггер 1993: 221], продолжая говорить о философских проблемах технического отношения к человеку так, будто мы знаем, что такое человек и что такое техническое, и будто то и другое определяет себя само. То есть, опираясь на работы Фуко и Хайдеггера, совершают ту самую ошибку, от которой данные философы нас в первую очередь и предостерегают.

Не только теоретические «промахи», но и практические изыскания в области современных биотехнологий также приводят к проблеме исчезновения философского содержания человека. Шаткость основания «человеческого предела» и «человеческого минимума», выявляемая в работах, связанных с проблемами ЭКО, конструирования телесности и сознательного ухода из жизни, поддерживается делиберацией как основным методом биоэтики, в результате чего человек превращается в «договорное понятие»², а в теоретических работах по биоэтике и трансгуманизму начинает идти речь уже не о человеческой, а о постчеловеческой идентичности. Однако, добавление приставки «пост» никоим образом не проясняет, что же составляло основу того, что было до её присоединения, то есть человека. И понятие человеческого так и остаётся неопрделённым и проблематичным.

Частично такая проблематичность определения человека в биотехнологических и антропотехнологических исследованиях связана с тем, что вопрос о том, когда человек становится человеком и когда он перестаёт им быть, заданный в дискурсе философии биоэтики, определяет человека как некий материальный объект, на который можно указать и в котором можно распознать человека (или не-человека). Дальнейшие поиски в этой области – это определение материального субстрата данного объекта. И здесь обнаруживается, что таковой субстрат, даже не с философской, а с медицинской и естественнонаучной точек зрения... отсутствует.

Тенденция перехода от попытки установить человеческий «минимум» к обоснованию необходимости делиберативного дискурса и обнаружения пустотности человека как объекта наиболее ярко выявляется при обращении к так называемым «пограничным зонам», приближаясь к которым «у нас становится всё меньше оснований с определённой уверенностью утверждать, что мы всё ещё имеем дело с человеком» [Юдин 2011: 16]. К таковым зонам относятся: рождение, смерть, человек – машина, человек – животное. Мы рассмотрим первые две обозначенные зоны и возникающие в этих областях основные проблемы, связанные с необходимостью определения «индивидуального человеческого существа», так как их актуальность давно перешла из теоретической области в практическую и задаётся конкретными жизненными ситуациями, с которыми сталкивается или может столкнуться любой из нас. В исследовательском и технологическом плане это зоны использования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), геномики и эвтаназии. Развитие знаний и технологий в этих областях в первую очередь требует выработки однозначного определения «человеческого существа» и показывает тщетность усилий в данном направлении и пустотность современного понимания человека.

² В 1997 году Советом Европы была принята «Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине», ставшая первым юридическим документом, призванным регулировать создание и применение биомедицинских технологий. Но определения понятий «человек», «человеческое существо» в данном документе нет, а в пояснительном докладе отмечается, что, «в отсутствие единодушия среди государств – членов Совета Европы относительно определения этих терминов <...> их определение отдаётся на усмотрение национального законодательства стран» [Юдин 2011: 16]. Так относительность понятия «человек», зависимость его содержания от «возможности договориться по этому поводу» и фактическое признание его пустоты была закреплена юридически и не вызвала никакого всплеска недоумения или возмущения.

Отправной точкой вспомогательных репродуктивных технологий на настоящий момент выступает процедура экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), в результате которой может быть *создано* в ходе контролируемого процесса человеческое существо. Хотя для многих людей процедура создания человека «in vitro» до сих пор кажется уникальной, используемой в научно-экспериментальной сфере, а то и вовсе почти фантастической, фактически она становится всё более и более востребованной. Количество медицинских центров, занимающихся ВРТ на коммерческой основе, довольно велико и, несмотря на большую стоимость оказываемых ими услуг, они постепенно расширяются. Кроме того, существуют и государственные программы ВРТ, осуществляемые на условиях бюджетного финансирования³.

На данный момент в мире растёт уже второе поколение ЭКО-детей и, согласно статистике, с 1978 (когда появилась первая девочка in vitro, Луиза Браун) по 2018 год в мире родилось около 10 миллионов детей «из пробирки» [Балтаева 2018]. Причём «в Польше ежегодно рождается около 5 тысяч таких детей, т. е. примерно 15% от всех новорожденных» [Кожевникова 2015: 67], а в России с 2017 года по статистике ежегодно рождается порядка 30 тысяч детей ЭКО⁴, что не удивительно, если учесть тот факт, что «15% пар в России и примерно каждая седьмая пара в мире имеет проблемы с зачатием ребёнка» [Кожевникова 2015: 66].

Однако, сама технология ЭКО до сих пор вызывает ожесточённые споры, связанные с тем, что получившиеся в результате её применения дети – результат некоторого «конструирования», сопровождающегося необходимым процентом не только вмешательства в человеческую природу, но и выбраковки как на стадии подготовки к вынашиванию, так и после успешного завершения беременности⁵. Таким образом, от ответа на вопрос «когда возникает человек», можно ли уже считать человеком человеческие клетки (на основании несомной ими генетической информации), протоэмбрионы и эмбрионы, зависит допустимость вмешательства учёных и медиков в развитие половой клетки (что происходит на протяжении всех процедур ВРТ, начиная, как правило, даже до момента слияния), отбора и выбраковки.

Но на вопрос, «с какого момента начинается существование уникально-го человеческого существа» [Резниченко 2011: 128], нет однозначного ответа, поскольку нет однозначных критериев начала жизни человека. Вопреки И. Канту, полагавшему, что не всякий взрослый может считаться человеком,

³ В России такая программа вступила в силу с 2013 года и быстро стала популярной. Так, по данным Минздрава РФ в 2018 году около 78 тысяч женщин прошли процедуру ЭКО бесплатно, по полису Обязательного Медицинского Страхования.

⁴ См.: <http://www.probirka.org/statistika-eko/v-rossii-ezhegodno-rozhdaetsya-30-tysyach-detey-eko.html> (дата обращения 25.01.2020).

⁵ Такая «выбраковка» производится неоднократно, так как в процессе осуществления ЭКО в связи с низкой приживаемостью и выживаемостью эмбрионов их создают в избыточном количестве, сначала проводя стимулирование овуляции, затем выращивая заведомо избыточное количество протоэмбрионов, перенося более одного эмбриона при пересадке (и если приживаются всё-таки более 1 эмбриона, врачи настоятельно рекомендуют прибегнуть к процедуре редукции эмбрионов, дабы оставить одного, наиболее жизнеспособного, а не 2 или тем более 3) – и, наконец, уже после завершения удачной беременности, решая вопрос о судьбе оставшихся криоконсервированных эмбрионов.

а уж дети и подавно ещё не являются людьми, так как не могут иметь своей собственной воли [Кант 1999: 145], в современной научной мысли всё больше распространяется точка зрения, согласно которой «человеческая жизнь начинается с момента оплодотворения» [Силуянова, Першин, Ляуш 2007: 101]. Защитники данной позиции утверждают, что зародившаяся жизнь *человеческая* постольку, поскольку произошло слияние *человеческих* половых клеток, в результате которого образовался новый уникальный набор хромосом. Таким образом, «минимум человечности» оказывается заключён в наличии уникальной генетической идентичности. При принятии данной позиции мы сталкиваемся с множеством противоречий, связанных как с казусами близнецов, так и с проблемами связи (или отсутствия таковой) генетической «человечности» с такими характеристиками как сознательность, дееспособность, ответственность, вина и проч. Практическим следствием признания за эмбрионом (протоэмбрионом) статуса человека является то, что в таком случае необходимо ввести строгий запрет на использование эмбриональных стволовых клеток, создание эмбрионов в исследовательских целях, стимулирование овуляции, проведение селективных аборт (редукции эмбрионов) в случае многоплодной беременности, криоконсервации эмбрионов и т. д.

Отсутствие единой теоретической позиции по вопросам «человеческого минимума» ярко демонстрирует неудача рабочей группы Руководящего комитета по биоэтике при Совете Европы, перед которой была поставлена задача разработать документ, направленный на защиту эмбрионов и зародышей человека и определяющий и закрепляющий юридически статус эмбриона (протоэмбриона) с определённого момента его развития как человеческий со всеми соответствующими правами, включая право на жизнь. Спустя несколько лет работы «группа пришла к выводу, что создание такого документа сегодня не представляется возможным. Причина – эксперты оказались не в состоянии прийти к согласованному решению о том, с какого момента начинается человеческая жизнь. В результате группа ограничилась лишь представлением доклада, в котором были зафиксированы наиболее распространённые позиции по этому вопросу» [Юдин 2011: 26]. В практическом плане также очевидны разногласия. Так, православная церковь допускает ЭКО с рядом ограничений, тогда как католическая отвергает его полностью [Радковска-Валькович 2013]. В Конвенции о биоэтике, принятой в 1997 г. Советом Европы, в статье 18, часть 2 указано: «Запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях», но ни Россия, ни Великобритания не согласны с введением данного запрета и потому отказались присоединиться к указанной конвенции [Юдин 2011: 23].

Разногласия относительно «человеческого минимума» усугубляются осознанием того, что, в случае признания положения, согласно которому человеческая жизнь является человеческой с самого момента её зарождения, мы должны будем согласиться и с тем, что этот «минимум человечности» может быть создан и создаётся в программах ВРТ и геномики искусственным путём и может быть «запрограммирован» как в процедурах ЭКО⁶, так и в технологиях «улучшения человека».

⁶ В целом при технологии *in vitro*, в связи с возможностью и даже необходимостью создания избыточного количества протоэмбрионов, была также разработана технология пре-

В начале XX века К. Н. Кольцов, говоря об «улучшении человеческой породы» и рассматривая особенности евгеники или, как он её называет, «антропотехнии», хотя и утверждает, что «только вследствие различных побочных затруднений и осложнений методы евгеники несколько отличаются от методов зоотехнии» и «разведение новой породы или пород человека подчиняется тем же законам наследственности <...>, и единственным методом этого разведения может служить подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях» [Кольцов 1923: 7], тем не менее, ещё не сомневается в том, что «мы не можем ставить по определенному плану опытов, а должны ограничиваться простым наблюдением над семьями, слагающимися без всякого плана» [Кольцов 1923: 8], и рассматривает антропотехнию как своего рода фантастический проект-предположение. Но пройдет менее ста лет, и мы обнаружим, что «проектное направление современной философской и естественнонаучной мысли в части, относящейся к «улучшению» природы человека, исходит не из того, что могло бы произойти, если бы было возможно такое улучшение, а из того, что следует ожидать как следствие изменений, уже осуществляемых и проектируемых как реальные действия в области биотехнологии и биомедицины» [Тищенко 2015: 49].

Авторы доклада американского Президентского совета по биоэтике, прочитанного в октябре 2003 года в Вашингтоне и посвящённого нетерапевтическому использованию биотехнологий, «разбирают возможность «производства» детей улучшенного качества, используя такие технологии, как пренатальная диагностика, генетическая инженерия, селекция эмбрионов по результатам генетического тестирования» [Тищенко 2015: 25]. Австралийский философ, директор Центра практической этики в Оксфорде Джулиан Савулеску отмечает, что моральное поведение детерминировано биохимическими и сетевыми процессами в мозге, и полагает, что рационализацию и контроль поведения в обществе лучше обеспечат биомедицинские средства, а не социально-педагогические. А потому «в некоторых случаях нам следует изменять общество. В других случаях нам следует изменять нашу биологию» [Savulescu 2009: 229], влиять на гены, уровни серотонина, окситоцин и т. д. с тем, чтобы «выстроить» существо, наиболее соответствующее нашим представлениям о «лучшем» для человека и общества.

имплантационной диагностики для отбора и последующей пересадки наиболее жизнеспособных и здоровых протоэмбрионов. Но данная технология позволяет отбирать не только наиболее «качественные» протоэмбрионы, но и в принципе выбирать протоэмбрионы с заданными качествами – например, по признаку пола. Ситуация с выбором пола и иных характеристик ребёнка на настоящий момент такова, что хотя в России, как и большинстве стран Европы, запрещено отбирать эмбрионы по половому признаку, на практике при наличии (довольно частом) нескольких равноценных по своим качествам с точки зрения прогноза успешности будущей беременности эмбрионов (или даже на подготовительном этапе, уже предполагая такую возможность равноценно-избыточного количества эмбрионов, созданных в процессе подготовки к ЭКО), врач интересуется у пары, какой пол ребёнка является предпочтительным. В странах, где вопрос полового соотношения стоит более остро, нежели в России и Европе в целом, общепринято использовать тесты на определение пола ребёнка с целью дальнейшего решения о его сохранении. Так, Г. Сток констатирует, что в Бомбее, согласно проведённому исследованию, «из 8000 абортированных зародышей 7997 были женского пола» [Stock 2003: 14]

Представители Российского трансгуманистического движения в публикации своих ожиданий относительно конструирования «нового человека» ещё смелее, нежели их зарубежные коллеги. По их мнению, «развитие генной инженерии сделает возможным улучшение гено типа человека... Эти методы будут применимы как к только появляющимся на свет детям, так и к уже взрослым людям... Уже сегодня многие всемирно известные учёные... говорят о том, что человеческая глупость, например, является по сути своей генетическим заболеванием и в будущем будет излечима. Будут полностью ликвидированы генетические причины заболеваний, все люди будут совершенно здоровыми. Старение будет остановлено и никому не придётся сталкиваться с увяданием, с упадком сил, с дряхлостью. Люди станут практически бессмертными ... смогут произвольным образом лепить свое собственное тело и мозг, добавлять себе новые способности, возможность жить под водой, летать, питаться энергией солнечного света, добавлять новые отделы мозга, новые органы тела. Любители модификации своего тела смогут сделать свои тела похожими на тела животных или даже химер, таких как кентавры или русалки»⁷.

Наиболее радикальные сторонники «улучшений» полагают даже возможной и чуть ли не желательной для человека перспективу освобождения от тела и переноса ментального коррелята личности на искусственный носитель. Вот только будет ли то, что получится в результате всех этих манипуляций, человеком?

На этот вопрос нет однозначного ответа, подобно тому, как нет однозначного ответа на вопрос о статусе эмбрионов и протоэмбрионов. Исследующий проблемы геномики как «другой науки» для «другого модерна» П. Д. Тищенко показывает, что в геномике нет моральной инстанции, «автономно и авторитарно способной различить добро и зло. На её месте – сеть конфликтующих в публичном пространстве моральных дискурсов, которые в геномике (как и в других областях биомедицины) стянуты в узлы децентрированных социальных институтов от микро- до макроуровня, получивших название – этические комитеты <...>. На основе междисциплинарных обсуждений (т. е. *транзитом* через многообразие точек зрения и моральных позиций) этические комитеты вырабатывают различного рода нормы и правила <...>. Причём *основание* создаётся не за счёт теоретического философского или богословского усмотрения *глубины* морального порядка, а на *поверхности* – как контингентный эффект междисциплинарной коммуникации в пространстве профанного языка» [Тищенко 2002: 212-213]. Такие нормы, правила и определения, даже в случае, если их удастся выработать, оказываются ситуационно обусловленными, открытыми к переопределению, «прецедентными» и не могут претендовать на всеобщность.

Проблема «человеческого минимума» перестаёт рассматриваться как всеобщая, человек из некоторого идеального плана переходит в план договорной, прецедентный и даже – в план личных предпочтений. Представители Совета Европы не выработали единого определения «человеческого существа» потому, что «не смогли договориться». И полагали, что на базе «национальных

⁷ Статья «Генная инженерия» опубликована на сайте Российского трансгуманистического движения, см.: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/38/36> (дата обращения 20.01.2020)

институтов» достигнуть договорённости будет проще. А то, что таковые договорённости будут отличаться (и, как показывает биомедицинская практика – существенно отличаются) друг от друга – что ж с того? На ниве ВРТ исчезновение человека как такового и превращение его в договорное понятие никого не испугало и не затронуло. На ниве геномики из плана человеческого всеобщее, идеальное и вовсе исчезает, так как трансформации человека оказываются заданы конкретными потребностями, ситуациями и даже личными пристрастиями. И это тоже никого не только не пугает, но даже не настораживает. В плане же «исчезновения человеческого минимума», то есть в ситуациях, когда мы должны установить прекращение существования человека в связи с относительностью критериев смерти всё большую роль играют так называемые *advanced directives*. То есть и в этой области понятие человека истончается до понятия «что я в данной ситуации на данный момент понимаю под человеком», становясь частным и прецедентным.

Согласно принятой на настоящий момент дефиниции, «смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга»⁸, регистрируемое при работающем сердце и искусственной вентиляции лёгких. Смерть мозга эквивалентна смерти человека»⁹. В самой формулировке дефиниции видно, как сталкиваются два критерия смерти человека – отсутствие работы дыхания-кровообращения (традиционный критерий) и отсутствие работы мозга (новый критерий). При совпадении обоих критериев констатация смерти не вызывает затруднений¹⁰, но сложность заключается в том, что в ряде случаев обнаруживается только один из данных критериев – и довольно часто сохраняется (принудительно или самопроизвольно) деятельность сердечно-лёгочной системы при отсутствии признаков деятельности мозга.

Само выдвижение критерия «смерти мозга» всецело связано с развитием биомедицинской техники, которая позволила искусственным образом поддерживать дыхание и кровообращение в организме – то, что в предыдущие эпохи свидетельствовало о жизни человека. В настоящее время, «если пациент подключён к аппарату «искусственное сердце-лёгкие», то у него может поддерживаться дыхание и кровообращение при том, что сердце и лёгкие свои функции не выполняют <...>, более того, создаются технологии, направленные на то, чтобы, с одной стороны, обеспечивать это искусственное прерывание кровообращения и дыхания, останавливая нормальное функционирование сердца и лёгких и, с другой стороны, напротив, искусственно же запускать их

⁸ Правильнее было бы сказать «всех известных и измеримых на настоящий момент функций мозга», так как диагностировать и доказать потерю всех функций мозга на настоящий момент не представляется возможным.

⁹ Приказ Минздрава РФ от 20 декабря 2001 № 460 «Об утверждении инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» (цит. по: [Попова 2011: 35]). Аналогичные приказы приняты и имеют юридическую силу в большинстве стран мира.

¹⁰ Такое состояние подпадает под понятие «максимальной дефиниции смерти», введённое Г. Йонасом: смерть человека – это «смерть мозга плюс кардиологическая смерть плюс те признаки, которые являются значимыми» (цит. по: [Попова 2011: 48]) и не вызывает сомнений в практическом плане, хотя в теоретическом мы также не можем посчитать его ни строгим, ни достаточным определением в связи с неоднозначностью трактовки «значимых признаков».

нормальное функционирование» [Юдин 2011: 17-18]. На этих технологиях основываются возможности аортокоронарного шунтирования, многочасовой операции, во время проведения которой человек, согласно традиционным представлениям, является умершим. Технологии принудительного дыхания (искусственной вентиляции лёгких) широко распространены в детской реанимации, в частности, в процедурах выхаживания недоношенных младенцев, рождающихся с неразвитыми лёгкими. Тем самым, «те состояния, которые прежде ассоциировались со смертью, теперь оказались в существенных пределах обратимыми». [Юдин 2011: 18]. То есть в силу того, что эти органы (сердце и легкие) стало возможно на время замещать в функционировании аппаратами, прекращение жизни человека стали связывать с чем-то другим – а именно, со смертью мозга. Однако, нет никаких гарантий, что с течением времени и это «другое» не постигнет участь предыдущих «смертельных состояний» и оно также не будет признано обратимым¹¹ либо не будет признано недостаточным либо избыточным для того, чтобы ассоциировать с ним «минимум человеческого». Да и на настоящий момент возникает вопрос, «можно ли считать, что существо, у которого диагностирована смерть мозга, уже перестало быть человеком, если учесть, что мы можем наблюдать воочию многие признаки биологического функционирования его организма?» [Юдин 2011: 19].

В докладе Президентской комиссии по биоэтике (Вашингтон) 2009 года указывается, что в последние годы в исследовательской литературе «настоячиво звучат требования возвращения к циркулярно-респираторным критериям смерти»¹² и сам доклад, несмотря на аргументацию в защиту концепции смерти мозга как смерти человека, «демонстрирует неоднозначность, непрозрачность концепта «смерть мозга»» [Попова 2011: 37]. На несогласованность критериев смерти мозга указывает М. Potts [Potts 2001], выделяющий как отдельные явления неврологическую, клиническую и социальную смерть мозга. В медицинской среде также наблюдается отрицательное отношение к данному критерию смерти в связи с тем, что «несмотря на легитимный статус понятия «смерть мозга» во всём мире, существует несовместимость в отношении рекомендуемых клинических критериев и дополнительных тестов» [Попова 2011: 37], а наличие остаточной клеточной активности (что характерно для пациентов со смертью мозга) можно рассматривать как проявления сознания.

В связи с относительностью критериев «человеческого минимума» «современная теория человека потеряла свой идейный стержень, а взамен мы по-

¹¹ Исследуя понятие обратимости применительно к смерти мозга как критерию смерти человека D. Shewton полагает, что «диагноз смерти мозга не позволяет сделать заключение о том, что данное состояние никогда не может быть вылечено» [Попова 2011: 45]. На этом же основании D. Cole предлагает отказаться и от кардиореспираторного критерия, также опирающегося на идею необратимости, и приходит к выводу, что критерий необратимости в принципе не должен входить в дефиницию смерти [там же]. Однако, если мы согласимся с данным выводом, то тогда мы, пусть и в неопределённой отдалённой перспективе, как пел Высоцкий, «отдав концы, не умираем насовсем», то теряется сам смысл смерти, да и жизни человека, в которой «стояние-перед лицом смерти» является одним из важнейших экзистенциалов.

¹² Сомнения в допустимости и обоснованности критерия смерти мозга высказывают D. Shewmon, R. Veatch, S. Younger, E. Bartlett, M. Potts, J. P. Lizza, H. Jonas, E. F. Wijdsicks, в отечественной литературе – Б. Г. Юдин, П. Д. Тищенко, О. В. Попова.

лучили полную анархию мысли» [Кассирер 1988: 25] и в методологическом отношении на первый план выступила делиберация. Главный постулат делиберации: все, кого затрагивают обсуждаемые решения, имеют равные права и возможности принимать участие в делиберации. Решения принимаются на основании результатов публичного обсуждения [Тищенко 2001]. Не менее важно и то, что в результате принятой методологии делиберации основой легитимности принятых решений становится консенсус. То есть у нас нет объективных оснований полагать, что «человеческий минимум» заключается в уникальном наборе генов, что эмбрион может считаться человеком с момента зачатия и что критерием смерти человека является смерть мозга – но мы обсудили и пришли к договорённости, что будем считать именно так. «Понятие «человек» терпит фиаско в свете появившихся новых медицинских технологий» [Попова 2011: 49] и «человек» на настоящий момент есть не более, чем «договорное понятие».

Это означает, что в попытках увидеть человека как объект научного исследования и практических манипуляций, обнаружить «минимум человеческого», который можно зафиксировать и установить, современные исследователи приходят к тому, что такой минимум не находим, а человек объектно отсутствует. И потому «мы просто договорились» о том, что считать человеком будем вот этот объект (а «этот объект» оказывается ещё и каждый раз разным в разных биотехнологических практиках), хотя никаких существенных оснований именно для такой договорённости нет. Но «договорной человек» означает отсутствие человеческого. В стремлении к установлению человека как объекта дитя было выплеснуто вместе с водой: человек исчез. Ибо человек не задаётся данным, объектным и вещным – все это не имеет никакого отношения к собственно человеческому способу бытия – а задаётся, напротив, не-данным, отсутствующим и образным.

Библиография

- Балтаева 2018 – Балтаева Г. 10 000 000 детей «из пробирки» – не Божий промысел? Интервью президента Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) Владислава Корсака). [Электронный ресурс] <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3041945> (дата обращения 25.01.2020).
- Декарт 1994 – Декарт Р. Соч. в 2-х томах. Т.2. Москва: Мысль, 1994.
- Достоевский 1985 – Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Москва: Наука. Т. 28. Кн. 1.
- Кант 1999 – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Санкт-Петербург: Наука, 1999.
- Кассирер 1988 – Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. Москва: Прогресс, 1988. С. 3–30.
- Кожевникова 2015 – Кожевникова М. Люди из пробирки. Обзор этических проблем, связанных с ВРТ // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения человека». Москва: Изд-во МГУ, 2015. С. 66–79.
- Кольцов 1923 – Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы. Петроград: Время, 1923.
- Попова 2011 – Попова О. В. Проблема смерти мозга: этико-философский контекст исследования // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. Москва, 2011. С. 34–52.
- Радковска-Валькович 2013 – Радковска-Валькович М. Эмбрионы: потенциальные дети и новые игроки на политической сцене // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 56–68.

- Резниченко 2011 – *Резниченко Л. А.* Долгий спор о защите эмбрионов // Человек. 2011. № 3. С. 125–140.
- Силуянова, Першин, Ляуш 2007 – *Силуянова И. В., Першин М. С., Ляуш Л. Б.* Статус эмбриона // Человек. 2007. № 2. С. 98–108.
- Тищенко 2001 – *Тищенко П. Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. Москва: ИФРАН, 2001.
- Тищенко 2002 – *Тищенко П. Д.* Геномика – наука «другого модерна» // Философия науки. Вып. 8. Москва: ИФРАН, 2002. С. 201–219.
- Тищенко 2011 – *Тищенко П. Д.* Человечество: фортуна, риск и игра (опыт эсхатологии) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. Москва, 2011. С. 109–148.
- Тищенко 2014 – *Тищенко П. Д.* Deus ex Machina: сакральное и профанное // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 8. Москва, 2014. С. 54–55.
- Тищенко 2015 – *Тищенко П. Д.* Биотехнологии инхансmenta: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения человека». Москва: Изд-во МГУ. 2015. С. 21–41.
- Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург: А-сad, 1994.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. С. 221–237.
- Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. Москва: Ad Marginem, 1997.
- Шелер 1988 – *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. Москва: Прогресс, 1988. С. 31–95.
- Юдин 2011 – *Юдин Б. Г.* Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. Москва: 2011. С. 13–33.
- Юдин 2015 – *Юдин Б. Г.* Предисловие // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения человека». Москва: Издательство МГУ, 2015. С. 5–8.
- Юдин, Тищенко 2015 – *Юдин Б. Г., Тищенко П. Д.* Биоэтический анализ конвергентных технологий «улучшения» человека // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения человека». Москва: Изд-во МГУ, 2015. С. 9–20.
- Potts 2001 – Potts M. // J. Med. and Philos. 2001. Vol. 26, No 5. P. 479–491.
- Savulescu 2009 – Savulescu J. Genetic Enhancement // A companion to bioethics. 2 ed. Ed. Helga Kuhse and Peter Singer. Blackwell Publishing. 2009. P. 216–235

References

- Baltayeva 2018 – Baltayeva G. 10 000 000 children “from a test tube” - not God’s Providence? [Electronic resource] <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3041945> (accessed 25.01.2020). In Russian.
- Cassirer 1988 – Cassirer E. Experience about man: an introduction to the philosophy of human culture // The problem of Man in Western philosophy. Moscow: Progress Publ., 1988. P. 3–30. Transl. into Russian.
- Descartes 1994 – Descartes R. Works in 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1994. Transl. into Russian.
- Dostoevsky 1985 – Dostoevsky F. M. Complete works in 30 Vol. Moscow: Science Publ. Vol. 28. Vol. 1. In Russian.
- Foucault 1994 – Foucault M. Words and Things. Archaeology of the Humanities. St-Petersburg: A-cad, 1994. Transl. into Russian.
- Heidegger 1993 – Heidegger M. The question about technique // Heidegger M. Time and Being: articles and speeches. Moscow: Republic Publ., 1993. P. 221–237. Transl. into Russian.

- Heidegger 1997 – Heidegger M. Being and Time. Moscow: Ad Marginem, 1997. Transl. into Russian.
- Kant 1999 – Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view. St.-Petersburg: Science Publ., 1999. Transl. into Russian.
- Koltsov 1923 – Koltsov N. K. Improvement of the human breed. Petrograd: Vremya Publ., 1923. In Russian
- Kozhevnikova 2015 – Kozhevnikova M. People from a test tube. Review of ethical issues related to art // *Workbooks on bioethics*. Issue 20. Humanitarian expertize of biotechnological projects “human improvement”. Moscow: MSU Publishing House, 2015. P. 66–79. In Russian
- Popova 2011 – Popova O. V. The problem of brain death: the ethical and philosophical context of research // *Bioethics and humanitarian expertize*. Issue 5. Moscow, 2011. P. 34–52. In Russian.
- Potts 2001 – Potts M. // J. Med. and Philos. 2001. Vol. 26. No 5. P. 479–491. In Engl.
- Radkovska-Valkovich 2013 – Radkovska-Valkovich M. Embryos: potential children and new players on the political scene // *Ethnographic review*. 2013. No 3. P. 56–68. Transl. into Russian.
- Reznichenko 2011 – Reznichenko L. A. Long dispute about embryo protection // *Man* 2011. No 3. P. 125–140. In Russian.
- Savulescu 2009 – Savulescu J. Genetic Enhancement // *A companion to bioethics*. 2nd ed. Ed. Helga Kuhse and Peter Singer. Blackwell Publishing. 2009. P. 216–235. In Engl.
- Scheler 1988 – Scheler M. The Position of Man in Space // *The problem of Man in Western Philosophy*. Moscow: Progress Publ., 1988. P. 31–95. Transl. into Russian.
- Siluyanova, Pershin, Lyaush 2007 – Siluyanova I. V., Pershin M. S., Lyaush L. B. Status of the embryo // *Man* 2007. No 2. P. 98–108. In Russian.
- Tishchenko 2001 – Tishchenko P. D. Bio-Power in the era of biotechnologies. Moscow: IFRAN Publ., 2001. In Russian.
- Tishchenko 2002 – Tishchenko P. D. Genomics – the science of “another modern” // *Philosophy of science*. Vol. 8. Moscow: IFRAN Publ., 2002. P. 201–219. In Russian.
- Tishchenko 2011 – Tishchenko P. D. Humanity: fortune, risk and game (experience of eschatology) // *Bioethics and humanitarian expertize*. Issue 5. Moscow, 2011. P. 109–148. In Russian.
- Tishchenko 2014 – Tishchenko P. D. Deus ex Machina: the sacred and the profane // *Bioethics and humanitarian expertize*. Issue 8. Moscow, 2014. P. 54–55. In Russian.
- Tishchenko 2015 – Tishchenko P. D. Biotechnology innovation: on the way to the third utopia? // *Workbooks on bioethics*. Issue 20. Humanitarian expertize of biotechnological projects “human improvement”. Moscow: MSU Publishing House. 2015. P. 21–41. In Russian.
- Yudin 2011 – Yudin B. G. The Boundaries of the Human Being as a Space of Technological Influences // *Bioethics and humanitarian expertize*. Issue 5. Moscow, 2011. P. 13–33. In Russian.
- Yudin 2015 – Yudin B. G. Preface // *Workbooks on bioethics*. Issue 20. Humanitarian expertize of biotechnological projects “human improvement”. Moscow: MSU Publishing House, 2015. P. 5–8. In Russian.
- Yudin, Tishchenko 2015 – Yudin B. G., Tishchenko P. D. Bioethical expertize of convergent technologies for human “improvement” // *Workbooks on bioethics*. Issue 20. Humanitarian expertize of biotechnological projects “human improvement”. Moscow: MSU Publishing House, 2015. P. 9–20. In Russian.